

Подготовка библиотечных кадров в годы «перестройки» и постсоветского десятилетия (1985–1999)

УДК 02(091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-183-190>

М. Н. Глазков

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: mguci@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется состояние библиотечных кадров в России в условиях слома советской политической системы. Рассмотрены изменения в процессе профильного обучения специалистов. Отмечены как позитивные, так и негативные факторы, влиявшие на библиотечное образование. Выявлены основные тенденции в подготовке персонала. Анализируются федеральные законы 1990-х годов, напрямую влиявшие на деятельность образовательных учреждений. Выделены Федеральные законы «Об образовании» 1992 года и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 года. Отмечены новые значимые пункты принятых законов. Приведена статистика, характеризующая изучаемую проблему. Показаны изменения, повлиявшие на профессорско-преподавательский состав вузов. Сделаны аналитические, обобщающие выводы по проблеме. Дается сводная оценка состояния и уровня подготовки библиотечных кадров в указанный период.

Ключевые слова: библиотечные кадры, библиотечное образование, история библиотечного дела в России.

Для цитирования: Глазков М. Н. Подготовка библиотечных кадров в годы «перестройки» и постсоветского десятилетия (1985–1999) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №4 (120). С. 183–190. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-183-190>

TRAINING OF LIBRARY STAFF DURING THE YEARS OF «PERESTROIKA» AND THE POST-SOVIET DECADE (1985–1999)

Mikhail N. Glazkov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: mguci@mail.ru

ГЛАЗКОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук, академик Международной академии информатизации, почетный работник сферы образования Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

GLAZKOV MIKHAIL NIKOLAEVICH – DSc in Pedagogy, Professor at the Department of Library and Information Sciences, Academician of International Informationization Academy, Honorary Worker of Education of Russian Federation, Moscow State Institute of Culture

© Глазков М. Н., 2024

Abstract. In article investigated the condition of library personnel in Russia during scrapping the soviet political system. The changes in specialist learning process are considered. Both positive and negative factors in library education are noted. The main trends in staff training have been identified. Federal laws 1990th are analyzed. Federal laws «About education» 1992 and «About higher and postgraduate professional education» 1996 are highlighted. Significant legislative impact on library personnel condition is shows. The important statistical indicators about our problem are given. Changes in the teaching department of specialized universities are noted. Generalizing conclusions about research problem made in article. The investigation gives summary assessment of library staff condition and training in specified period.

Keywords: library personnel, library education, history of librarianship in Russia.

For citation: Glazkov M. N. Training of library staff during «perestroika» and post-soviet decade (1985–1999). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 4 (120), pp. 183–190. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-4120-183-190>

Выбранный период, 1985–1999 годы, вмещает в себя кризисные тенденции и процессы буквально во всех сферах жизни СССР, а после его разрушения – и в Российской Федерации. Общий кризис не мог обойти отечественное библиотечное образование. Его изучение важно не только для установления исторической истины, но и для конструктивного развития всего библиотечного дела в будущем.

На начало «перестройки» ситуация с библиотечными кадрами в стране отнюдь не была идеальной. Особенно это касалось массовых библиотек. В общедоступных библиотеках системы Министерства культуры в 1985-м году в РСФСР имелось всего 25% библиотекарей с высшим образованием (с библиотечным – 15%). Библиотекарей со средним библиотечным образованием – 46%. Серьезной проблемой оставалась текучесть кадров. Значительное большинство библиотекарей общедоступных библиотек имело стаж менее 5 лет [1, с. 128–129]. Вместе с тем, кадровый прогресс в «брежневское» время стал пусть не быстрым, но стабильным. Важно было развить созидательные библиотечные тенденции конца 1960-х – начала 1980-х годов [6, с. 213–250].

Явные перемены обозначились после январского 1987 года Пленума ЦК КПСС. В исследованиях ведущих современных историков [9; 12] данный Пленум назван поворотным для всего существования нашей страны. Нача-

лась специфическая «горбачевская» гласность и демократизация. На деле стала осуществляться идеологизация «наоборот»: советские социалистические ценности постепенно менялись на западные буржуазные.

Поскольку процесс в то время шел не обязательно, изменения в библиотечном образовании проявлялись в деталях, в частности. Например, студенческая молодежь в ходе учебных занятий начала активнее спорить с преподавателями на общеполитические темы, критиковать некоторые действия представителей советской власти прошлого и настоящего, обсуждать концепции, ранее не подлежащие дискуссиям и т. п. Казалось, что принципиально ничего не меняется. Но по закону диалектики количество постепенно переходило в качество.

С конца 1980-х годов в стране снижался престиж высшего и, в частности, библиотечного образования. «Перестроечные» СМИ интенсивно внушали идею о деньгах как смысле человеческого существования. Выпускники школ вместо мечты о покорении космоса, новых научных и творческих открытиях, созидательном труде во благо общества и государства с любопытством открывали для себя коммерческо-криминальную «романтику».

С начала 1990-х годов в высшую школу приходило меньше талантливых и активных молодых людей, потому что они предпочитали заработки в разных коммерческих структурах. Снижался общий культурный

и интеллектуальный уровень абитуриентов, поступавших в вузы. Будучи тогда начинающим преподавателем, непосредственно общавшимся со студентами, могу лично это засвидетельствовать.

Тем не менее, в 1990-е годы еще сказывалась положительная сила «советской инерции». В советскую эпоху удалось создать эффективную, классическую, по-видимому, лучшую в мире систему библиотечного образования. [2, с. 237–252; 5]. Ее фундаментом стали «золотые кадры» отечественных педагогов. «Человеческий капитал» долго и тяжело наращивается, но он и разрушается заметно медленнее, чем материальная составляющая.

Благодаря педагогам советской школы удавалось некоторое время удерживать профильное образование на сопоставимом уровне, несмотря на разрастающиеся кризисные явления в стране. Кроме того, еще не деградировала, не была «приватизирована» материальная база многих профильных учебных заведений. Библиотекарей в РФ тогда готовили 30 вузов и 66 средних учебных заведений [1, с. 148].

Кризис в подготовке библиотечных кадров стал усиливаться, на наш взгляд, с середины 1990-х годов. На это повлияло несколько факторов. 10 июля 1992 года в РФ был принят Федеральный закон «Об образовании», подписанный президентом Б. Н. Ельциным. Спустя несколько лет, 26 августа 1996 года (сразу после очередной победы Бориса Николаевича на президентских выборах), вышел еще один соответствующий закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Если отбросить популистские декларации, новые законы корректировали, а в некоторых ключевых статьях ломали сложившиеся положения советской образовательной системы.

Разумеется, всё пытались обернуть в красивую демократическую упаковку. Так, в Федеральном законе 1992 года [3] во 2-й статье утверждались основные принципы государственной политики в области образования: «гуманистический характер образования,

приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности». В статье 14 п. 2 указывалось, что «Содержание образования должно обеспечивать <...> интеграцию личности в системы мировой и национальных культур».

Но при более внимательном знакомстве с положениями закона возникают определенные вопросы. Так, в статье 11 объявлялось, что учредителями образовательной организации могут быть «отечественные, иностранные и зарубежные предприятия, учреждения всех форм собственности, их объединения и ассоциации», а также «отечественные, иностранные и зарубежные общественные и частные фонды <...>; граждане Российской Федерации и других государств». Понятно, что иностранные юридические и физические лица были заинтересованы в весьма специфическом образовании наших людей на базе «общечеловеческих» западных ценностей.

В статье 33, п. 1 было заявлено, что «образовательное учреждение создается учредителем по собственной инициативе и регистрируется органами местного самоуправления в заявительном порядке». Это создавало условия для появления самых разных, в том числе, деструктивных учебных заведений. Тем более что в пункте 9 данной статьи прописывалось: «Содержание, организация и методики образовательного процесса предметом [государственной] экспертизы не являются».

Таким образом, устранялся строгий государственный контроль над непосредственной учебной деятельностью вузов, гимназий, лицеев и т. п.

Рассматриваемый Федеральный закон давал большие возможности для коммерческой инициативы образовательных учреждений, коммерческого использования ими прав собственности на землю, оборудование, имущество и так далее. В частности, «образовательное учреждение, независимо от его организационно-правовой формы, вправе привлекать в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, дополнительные финансовые, в том числе валют-

ные, ресурсы за счет предоставления платных дополнительных образовательных и иных предусмотренных уставом образовательного учреждения услуг, а также за счет добровольных пожертвований и целевых взносов юридических и физических лиц, в том числе иностранных и зарубежных» (статья 41, п. 8).

В статье 47, п. 1 образовательным учреждениям предоставлялось право вести разнообразную предпринимательскую деятельность. Например, «по торговле покупными товарами, оборудованием; по оказанию посреднических услуг <...> по приобретению акций, облигаций, иных ценных бумаг и получению доходов (дивидендов, процентов) по ним; по ведению приносящих доход иных внеэкономических операций, непосредственно не связанных с собственным производством предусмотренных уставом продукции, работ, услуг и их реализацией». Неудивительно, что многие образовательные российские организации превращались из просветительских в сугубо коммерческие. Тем более что они получили право «самостоятельно осуществлять внешнеэкономическую деятельность и иметь валютные счета в банковских и других кредитных учреждениях <...> Валютные средства, полученные образовательным учреждением от внешнеэкономической деятельности, <...> изъятию не подлежат» (ст. 58, п. 1–2).

В принятом через четыре года Федеральном законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (26 августа 1996 г.) [11; 10] тоже имелись серьезные изъяны, очевидные в наше время. Так, в первой же статье (п. 2) указывалось: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, применяются правила международного договора».

В статье 2 п. 1 1) утверждалась «суверенность прав субъектов Российской Федерации в определении собственной политики в области высшего и послевузовского профессионального образования в части национально-региональных компонентов государственных

образовательных стандартов». Местному сепаратизму давался новый импульс в важнейшей образовательно-воспитательной сфере.

В той же статье закона п. 1 3) в качестве цели государственной политики провозглашалась «интеграция системы высшего и послевузовского профессионального образования Российской Федерации <...> в мировую систему высшего образования». Последствия этого, казалось бы, «красивого» положения вполне проявились после введения «Болонской системы», приведшей к увяданию отечественной высшей и средней школы. Замечу, что за свою долгую педагогическую практику не встречал ни одного действующего педагога, который бы не критиковал данную систему, ЕГЭ и т. п.

В статье 6 п. 2 среди ступеней высшего профессионального образования появляются знаковые магистры и бакалавры.

Федеральный закон 1996 года подтверждал и всячески поощрял разнообразную коммерческую деятельность учебных заведений. Согласно статье 13 «в системе высшего и послевузовского профессионального образования <...> могут создаваться и действовать <...> заводы, фабрики, фирмы <...> и иные организации и учреждения, деятельность которых связана с образованием и направлена на его обеспечение». Статья 29 п. 1: «Высшее учебное заведение в соответствии со своим уставом может осуществлять платную деятельность в области образования и в других областях».

Неоднозначно выглядят и положения статьи 33. В п. 1 3) вузы получили права «осуществления фундаментальных и прикладных научных исследований, а также опытно-конструкторских работ по заказам иностранных юридических лиц». Пункт 4 этой статьи подтверждал права вузов «заниматься внешнеэкономической деятельностью, предусмотренной уставами высших учебных заведений и направленной на выполнение задач, которые определены настоящим Федеральным законом, а также на развитие международных контактов». Итак, профильное

законодательство сменилось, исходя из установок новой политической системы страны.

С каждым годом последнего десятилетия XX века происходило обеднение библиотечной отрасли; государственная власть фактически отстранилась от поддержки «нерентабельных учреждений», в том числе, естественно, и библиотек. Это объяснялось как менталитетом постсоветской «элиты», так и тяжелым упадком экономики Российской Федерации в результате рыночных экспериментов в сельском хозяйстве, промышленности, финансовой сфере и пр.

Произошел массовый уход библиотечных работников из профессии, прежде всего, из-за низкой оплаты их труда. За семь лет сокращение кадров только в общедоступных библиотеках РФ составило не менее 14 тыс. человек (со 142 тыс. в 1990 году до 128 тыс. в 1997 году) [1, с. 143], не говоря о библиотеках научных, специальных, учебных и др.

Материально-техническая база библиотечного образования ухудшалась. Оборудование вузов и техникумов все больше отставало от современных требований. Дegradiровала полиграфическая база, в недостаточном количестве издавались тиражи учебно-методической литературы. В учебных лабораториях и аудиториях отсутствовали средства автоматизации и электронно-вычислительной техники и т. д.

Последнее обстоятельство следует выделить особо. 1990-е годы зримо обозначили необходимость широкого внедрения компьютеризации в библиотечную деятельность. Интернет становился глобальной реальностью. Ведущие мировые державы активно внедряли электронные технологии в информационно-библиотечной сфере. Фактически совершалась очередная технологическая революция, требовавшая существенных материальных вложений и первостепенной государственной заботы, которых мы оказались в то время лишены. Отставание в области электронных технологий вело к превращению отечественной библиотечной сферы из недавно передовой в мире во второразрядную.

Следует заметить, что в 1990-е годы определенную помощь в компьютеризации российских библиотек оказали зарубежные спонсоры. Разумеется, они делали это отнюдь не бескорыстно и выборочно. Компетентные люди знают, что оцифрованные (с помощью иностранных «благотворителей») наиболее ценные разделы фондов наших лучших библиотек затем «перекачивались» на Запад за символические деньги, а порой и во имя «общечеловеческих ценностей», то есть, бесплатно. Хорошо известно, что информационные ресурсы обладают стратегическим значением. Тот, кто владеет информацией, владеет миром. Проведя сравнительно очень незначительные финансовые вливания, иноспонсоры получили большие возможности влияния и иные преференции.

Подобное «кураторство» Запада имело методологическое значение для нашей библиотечной сферы. В нее стали продавливать западные ценности и установки. Так, например, поменялись названия и содержание библиотечных учебников и соответствующих вузовских дисциплин. Вместо «Работа с читателями» – «Библиотечно-информационное обслуживание», вместо «Организация и управление библиотечным делом» – «Библиотечный менеджмент» и так далее.

Образование нуждается в постоянной актуализации. Но необходимо соблюдать золотую середину между инновациями и традициями при обязательном приоритете государственных интересов. Однако в рассматриваемое время простые истины оказались сознательно отвергнуты теми, кто направлял и курировал процесс.

Примерно с середины 1990-х годов кадровой базе библиотек наносится еще один удар. Количество госбюджетных мест на библиотечных факультетах неуклонно сокращается. Если в середине 1980-х годов в головном библиотечном вузе страны – Московском государственном институте культуры – на одном курсе обучалось 250–270 «дневных» студентов, то в начале XXI столетия их стало 10–15 человек [5, с. 78–79].

Соответственно уменьшился ежегодный выпуск специалистов с высшим библиотечным образованием. Мы стремительно опускались на уровень бедственных 1920-х годов по числу подготовленных квалифицированных кадров за год. То есть в этом отношении возвращались к «доисторическим временам», когда в нашей стране еще не существовало ни одного библиотечного института, а подготовка немногих библиотекарей проводилась на отделениях политико-просветительных, педагогических вузов и техникумов, в советских партийных школах [4, с. 135].

Поскольку новые кадры не появлялись, а старые по естественным причинам выбывали, это неотвратимо вело к сокращению всей библиотечной деятельности и ликвидации сети библиотек. К 1998 году в России насчитывалось чуть более 150 тыс. библиотек всех типов и видов (на начало «перестройки» в РСФСР их было 164,8 тыс.). Из них наиболее значимых для народа публичных / массовых библиотек – 52,9 тыс. (в 1990 году – 62,2 тыс.) [7, с. 10–11, 14].

Их библиотечный фонд уменьшился с 1,2 млрд экземпляров в 1990 году до 1,1 млрд экземпляров в 1997 году. Книговыдача соответственно – т с 1505,6 млн экземпляров до 1347,8 млн экземпляров. Показатель охвата населения РФ библиотечным обслуживанием тоже снизился с 48,5% до 40,3% [7, с. 10–11, 14]. Причем, по-видимому, официальная статистика, исходя из установки властей, пыталась еще и приукрасить бедственное положение в отрасли [8, с. 3–15].

Особо отметим сокращение числа читателей в «самой читающей державе мира». За 5 лет с 1987 по 1992 год их отток из библиотек составил более 3 млн. [1, с. 142]. Процесс пошел и далее. Если в 1990 году в Российской Федерации насчитывалось 71,9 млн читателей общедоступных библиотек, то в 1997 году уже только 59,3 млн. [1, с. 143], на 12,6 млн человек меньше! При осознании, что библиотечная политика, профессиональное образование и сама Библиотека существуют для читателей, данный показатель весьма красноречив.

В вузах культуры при провоцировании и поддержке «сверху» вводятся платные услуги. Причем, нередко за счет сокращения бесплатных бюджетных форм обучения, хотя заинтересованные министерства это не афишировали и на словах отрицали. Так, среди прочих в середине 1990-х годов был санкционирован набор платных студентов по специальности «Библиотековедение и библиографоведение» [1, с. 148].

Отметим, что стоимость обучения в вузах оказалась непомерной для простых людей. Ликвидировался еще один ключевой принцип советской высшей школы: доступность для самых широких народных масс. Вместо него фактически внедрялся принцип элитарности обучения, особенно, в так называемых «престижных» вузах. Тем самым закладывались очередные социальные противоречия в нашем и без того крайне разделенном обществе, а новые Ломоносовы последовательно выставлялись за дверь постсоветских учебных заведений.

Кризис добрался и до «золотого ядра» отечественного образования – профессорско-преподавательского состава. Преподаватели молодого и средне-молодого возраста уходили в более богатые коммерческие структуры. Часть квалифицированных педагогов принимала приглашения из-за рубежа в поисках более спокойной и материально благополучной жизни. Кто-то оставался на ПМЖ.

Был подорван авторитет не только образования, но и науки. Поскольку научные исследования в РФ не приносили ученым финансового благополучия, требуя при этом больших многолетних усилий, сокращалось число аспирантов, защищенных кандидатских диссертаций в отрасли и т. д. Это больно сказывалось на вузах, где образование и наука теснейшим образом переплетались, а новые научные разработки оперативно применялись в процессе преподавания.

В Советском Союзе не успели полностью обеспечить специальные кафедры вузов культуры «остепененными», то есть максимально квалифицированными педагогами. В постсоветский период проблема крайне обостри-

лась. Региональные вузы не имели достаточного количества доцентов и кандидатов наук, не говоря уже о профессорах и докторах наук по библиотекословению, книговословению и библиографословению. Снижался учебно-научный статус вузов. Кризис науки углублял кризис образования.

Когда хотят назвать нечто положительное, что привнес рассматриваемый период, нередко говорят о развитии международного сотрудничества. Действительно, руководящие работники вузов, ведущая часть профессуры и даже отдельные молодые кадры, студенты получили возможность участвовать в международных мероприятиях за счет принимающей стороны, стажироваться, воочию знакомиться с зарубежным библиотечным опытом, общаться и обмениваться информацией с иностранными коллегами. Вне всяких сомнений, это способствовало повышению их образовательного уровня, расширению профессионального кругозора.

Но у «медали» была оборотная сторона. Даже не говорю сейчас о «подсаживании на гранты» и т. п. как на форму своеобразного подкупа, выкачивания из специалиста знаний, интересных грантодателям. Не говорю о зарубежных молодежных стажировках как эффективном канале утечки мозгов и талантов из России. Не говорю о неравноценном обмене библиотечными ресурсами,

справочно-библиографической, полнотекстовой, фактографической информацией с западными «партнерами» и прочее.

После разрушения Советского Союза Российская Федерация предстала на международной арене не как самостоятельная держава с богатейшей историей и великими достижениями, а как слабый ученик, заискивающий перед иностранными учителями. И нашу страну стали учить, какие задачи, функции и цели должны выполнять библиотеки, какие библиотечные законы надо принимать, как следует готовить кадры библиотечарей и так далее.

В итоге мы получили тяжелый кризис в профильном образовании. Его последствия проявляются до сих пор, в середине 2020-х годов. Преодоление негативных явлений в подготовке библиотечных кадров, как и во всей библиотечной сфере, должно учитывать исторический опыт, в том числе новейшей истории России. Мы приходим к концептуальному выводу о необходимости возвращения и широкого использования лучших советских наработок в образовании, разумеется, с учетом современной специфики. Понимая значимость библиотек и квалифицированных библиотечарей для развития государства и социальной гармонизации, мы должны сделать все для преодоления настоящего системного кризиса.

Список литературы

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России: учеб. пособие. Ч. 2 Москва: Либерея, 2001. 160 с.
2. Библиотечное дело в Российской Федерации (май 1974 – февраль 1984): док. и материалы / авт.-сост. А. Л. Дивногорцев. Москва: Пашков дом, 2016. 310 с.
3. Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ от 30 июля 1992 г. № 30. Ст. 1797.
4. Глазков М. Н. Государственная библиотечная политика в Советской России в контексте истории массовых библиотек (1925 – май 1941): монография. Москва: Пашков дом, 2016. 271 с.
5. Глазков М. Н. Отечественная библиотечная наука и образование (1964–1982 годы) // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2018. № 2. С. 70–81.
6. Глазков М. Н. Эволюция государственной библиотечной политики в Советскую эпоху (1917–1991 гг.): монография. Орел: Изд. «Орловский государственный институт культуры», 2022. 288 с.
7. Общедоступные библиотеки Российской Федерации в цифрах за 1998 год / Министерство культуры РФ. Москва: ГИВЦ, 1999. 132 с.

8. Общедоступные государственные библиотеки Российской Федерации в 1995–1998 годах (Аналитический обзор). Москва: Главный информационно-вычислительный центр Министерства культуры РФ, 1999. 146 с.
9. *Островский А. В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. Москва: Крымский мост-9Д, 2011. 864 с.
10. Российская газета. 1996. № 164. 29 августа.
11. Собрание законодательства Российской Федерации от 26 августа 1996 г. № 35. Ст. 4135.
12. *Спицын Е. Ю.* Россия – Советский Союз 1946–1991 гг. Полный курс истории России. Москва: Концептуал, 2015. 512 с.

*

Поступила в редакцию 28.06.2024